

Здесь в ладоши бьют нещадно,

Тут и крики, смех, и стон.

Нынче клоун беспощадный

Заводил аттракцион.

Он вертелся на опилках,

Бог кривляний и затей,

А затем бросал в копилку

Слезы маленьких детей.

И быстрее любого вора,

Ковыляя, как горбун

Ловит он рукой проворной

Смех, сорвавшийся с трибун.

Да, триумф его огромен,

Оглушительен успех.

Чем безжалостнее клоун,

Тем разнузданнее смех.

Только что все это значит?

И кому это во вред?

Ну кривляется, ну скачет

Дерзкий клоун на ковре.

Нет, совсем он не невинен,

Нечисты его глаза.

Он из зала душу вынул

И ногами растоптал.

Он с набеленным лицом

Выбегая на поклоны,

Снова чувствует себя

Императором Нероном.

Будто это Колизей,

А не пыльная арена,

Будто держит он в руках

Нити тысяч жизней бранных.

(С) Пикник

* * *

...В усадьбе семейства Фитцжеральдов у каждого маленького синтета своя комната. Вернее, у них один большой кукольный особняк, приспособленный под нужды живых существ. Туда даже провели водопровод, свет, киберсеть и прочие блага цивилизации, и от настоящего жилища его отличает только одно: возможность открыть не дверь, а весь дом по продольному сечению.

Время игр уже прошло, и живые игрушки могут вздохнуть с облегчением. Тем более что вечером к хозяевам ожидалась гости, и маленький Тимми Фитцжеральд с большой вероятностью отправится спать сразу после затянувшегося ужина.

- Что мы будем делать сегодня ночью, Брейн? - раздается из соседней комнаты вопрос.

Усталый голос отвечает:

- То же, что и всегда, Пинки, то же, что и всегда...

Джерри Фитцжеральд вздыхает. Поведенческая программа Пинки содержит несколько скриптов, и один из них не позволял аутичному белому мышу спокойно заснуть в присутствии друга без этой ритуальной фразы.

Маленькие синтеты готовятся ко сну. Настроение у всех так себе, впрочем, как и всегда. Сегодня в «игре» малолетнего садиста никто не погиб и не отправился в импровизированный лазарет, и на том спасибо. Но это значит лишь отсрочку.

Понимают это все: Чип и Дейл, Брейн и Пинки, Джерри, Рокфор, Спиди Гонсалес, неразлучная тройца Элвин, Саймон и Теодор, а еще кот Том.

Последний уже спит в своей корзинке с подушкой. Любой, кто зайдет в игровую комнату, словно попадает в мультфильм. Если только не вглядываться в полные страха глаза обитателей.

Неожиданно открывается входная дверь, и в прямоугольник света падают две человеческие тени.

Вздрагивают все обитатели до единого, чуткий кошачий сон прерывается.

Тимми заходит в комнату в сопровождении девочки чуть младше себя. У той в руках мотается что-то похожее на тряпичную куклу.

- ...Сейчас покажу! - обещает мальчик и подходит к жилищу живых игрушек.

Повинуясь мановению детской руки, дом словно раскалывается вдоль и раскрывается, выставляя наружу всю ту пародию на личную жизнь, что есть у живых игрушек.

Джерри про себя молится неизвестно кому, чтобы в этот раз протянувшаяся с высоты пятерня схватила не его.

- У, как у тебя здорово! - говорит тем временем девочка, разглядывая обитателей домика.

- Будешь меняться? - нетерпеливо спрашивает Тимми.

- У меня все они есть, - отмахивается девчонка, но присмотревшись внимательнее, поправляется. - Почти. Пинки нет.

- Я всегда хотел собрать команду Спасателей целиком, - улыбается мальчишка. - Так как?

- Ладно!

Сжимаемое в левой руке тело небрежным броском летит на стол рядом с домиком, а Тимми, выхватив прямо из кровати сонного Пинки, вручает его девочке.

Дети, хихикая, выбегают из комнаты, и Джерри успевает заметить, как сжимаются в бессильной злобе кулаки Брейна. Белый головастый мыш, как и все остальные, давно уже усвоил: Тимми не привык считаться ни с чьими желаниями, кроме своих, и просить его о чем-то, а особенно о том, что может испортить игру - бесполезно и даже опасно.

Но все же Брейн не сдерживается. В отчаянии он выкрикивает вслед детям какое-то оскорбление, и мальчик, неожиданно притормозив, возвращается.

Сердца всех, кто видит это, замирают в ужасе.

Помнится, прошлого Чипа Тимми, раскапризничавшись, так швырнул об стену, что бурундучок

уже не оправился. Нынешний же появился в доме сравнительно недавно, и только-только освоился и принял новые реалии жизни.

Великанская рука протягивается к белому мышу и отвешивает ему щелбан. Силы детских пальцев достаточно, чтобы отбросить миниатюрного синтета в недра домика и начисто выбить сознание.

Дом закрывается одновременно с входной дверью, но теперь уже никто не спит. Жители домика высыпают наружу, и даже Том запрыгивает с пола.

На столе, свернувшись в комочек, лежит мышка, имеющая больше человеческих черт, чем любой из присутствующих.

Невдалеке лежит без движения Брейн, к которому тут же бросились Саймон, Теодор и Дейл. Остальные обступают вновь прибывшего.

- Гаечка... - шепчет вдруг Рокфор и встает рядом с мышкой на колени. - Девочка моя...

- Вы знакомы? - спрашивает Теодор, кутаясь в халат, - она не похожа на вас по стилю...

- Что бы ты понимал! - восклицает Чип, а Дейл, услышав слова Рокфора, вздрагивает и оглядывается, но не может отойти от Брейна.

- Не ссорьтесь, - примирительно говорит Джерри.

- Вам помочь? - осведомляется Том, нависнув сверху.

Грызуны не боятся: кот разумен и никогда не рассматривал их в качестве еды, хотя пару раз грозился съесть Джерри, повинаясь поведенческим скриптам программы.

- Спасибо, - отзывается сразу несколько голосов. - Мы сами. Отнесем ее в дом.

- Я сейчас принесу аптечку... - начинает было Джерри, не успевает он сдвинуться с места, как Спиди Гонсалес с улюлюканьем срывается с места и уносится в дом с невероятной скоростью. Поплатится потом приступом голода, столько энергии сжигало это ускорение, но сейчас об этом никто не думает...

...Вскоре Гайке оказана первая помощь от бесчисленных ушибов. Мышку укладывают в одной из свободных постелей, и все желающие по очереди остаются дежурить. Чип, Дейл и Рокфор собираются было просидеть у ее постели всю ночь, но Джерри их отговаривает.

Во-первых, завтра всем наверняка понадобятся силы. Любая «игра» Тимми Фитцджеральда больше всего напоминает кросс на выживание в каких-нибудь джунглях.

Во-вторых, кто-то должен побыть с Брейном, который столь неожиданно остался один, без своего самого близкого друга, да еще и с сотрясением.

И наконец, в-третьих, каждый хочет помочь хоть чем-то.

Жители кукольного домика давно уже усвоили, что без дружеской поддержки их и без того невеселая жизнь превратится в настоящий ад.

Джерри сидит у кровати и думает, что Гайка, несмотря на несколько неправильные для мыши черты лица (даже мордочкой это можно было назвать с трудом), очень симпатична и привлекательна.

Мыш слышал о ней раньше от друзей, но не понимает, почему Тимми попросту не заказал точно такую же мышку у отца, что понадобилось меняться с той девочкой?

Ответа нет.

Когда же Джерри в очередной раз скашивает взгляд и видит, что в ответ на него смотрят огромные голубые глаза.

Тонкие губы что-то шепчут, и мыш наклоняется ближе.

– Что-что?

– Пить, – повторяет Гайка, и Джерри тут же бросается к небольшому кувшинчику с водой.

Мышка жадно опрокидывает первый стакан, потом уже неспешно – второй. Наконец, находит в себе силы сесть поудобнее и спрашивает:

– Где я?

Она мимолетно осматривает себя. Плотный комбинезон не позволял обработать все многочисленные ушибы, и маленькую пациентку пришлось переодеть. Запасной одежды для стройной мышки нет, и сейчас на ней чистая футболка Саймона.

Еще одолжил свое теплое пончо Гонсалес на случай, если новоприбывшей станет зябко, а старый комбинезон Рокфор забрал постирать и подлатать: судя по всему, Гайке накануне пришлось несладко в очередной «игре» огромных детей.

За врача у живых игрушек Тимми обычно Брейн, но сейчас ему самому несладко, поэтому всем занимался Рокфор – мыш бывалый и многое умеющий.

Маленькие синтеты каждую неделю передают список необходимых вещей экономке хозяев, и как правило, все необходимое приносят уже на следующий день. Но до этого еще ночь и двое суток.

Джерри отвечает сразу расставляя точки над «i»:

– Если вкратце – у друзей, но все еще в неволе у малолетнего человека. Я Джерри, все тут носят прим-фамилию Фитцджеральд, и знают твое имя. Это теперь твоя комната, если конечно не надумаешь к кому подселиться...

– А где?.. – начинает было мышка, но вдруг осекается, будто не зная как продолжить.

– Не знаю, кого ты сейчас имеешь в виду, но все спят. Сейчас ночь.

– А ты?

– А я дежурю у твоей кровати на случай, если что-то понадобится.

Гайка кивает и снова опускает нос в стакан с водой. Она о чем-то задумывается ненадолго, но потом поднимает взгляд и благодарит:

– Спасибо, Джерри.

Мыш замечает робкую улыбку и возвращает ее. Несмотря на сжавшееся сердце, ему почему-то сейчас так хорошо, что он поневоле вспоминает слова еще первого Чипа: «Мы все были влюблены в нее. Буквально все...»

Потом было все: страх и боль, краткие минуты покоя и счастья. Любовные истории и ревность с самых неожиданных, казалось, сторон.

В частности, для Гаечки полным сюрпризом стало удивительно галантное ухаживание Брейна и почти такое же – Джерри. И нешуточные сцены ревности, грозившие подорвать дружбу маленьких живых игрушек...

* * *

Когда над миром Дорог опустился красный вечер, в мастерской Брейна Фитцджеральда воцарилась тишина: стихли мотор генератора и лязг инструментов. И лишь тихий разговор нарушал безмолвие старой свалки.

Белый мыш, успевший переодеться в комбинезон почище, выверенным движением с помощью системы рычагов поставил чайник на металлическую печку. Затем другая хитроумная конструкция наполнила посудину заваркой и кипятком тросиков и противовесов, туда налилась вода.

Брейн же, достав из шкафчика алюминиевые кружки по размеру для себя, Гайки и Рейнбоу, что-то вроде галет и сухофруктов, повернулся к терпеливо наблюдающей за ним мышке.

– Я все еще поверить не могу, – сказал он, – что это ты. Сколько лет прошло, пятнадцать? Двадцать?

Мышка смущенно улыбнулась и еле слышно прошептала:

– Да, около двадцати... и это вправду я...

– Ты здесь, на дороге, – все тем же спокойным голосом констатировал мыш, хотя в глазах его отразилось что-то иное, – через двадцать лет...

– Да, Брейн... Я погибла.

Рейнбоу Дэш, до того изучавшая стоящую посередине мастерской колесную машину, подала голос:

– Старые друзья, ага?

Брейн глянул на пони и усмехнулся:

– Ты выбрала неудачный транспорт для Мира Дорог, Гаечка. Здесь правит колесо, а не копыта.

– Я тебе не транспорт, шибздик! – вскинулась радужная пегаска.

– Не обижай Дэш, Брейн, – примирительно сказала Гайка. – Мы все из одного мира...

– Я догадался, – ворчливо перебил мыш и повернулся к пони, – у тебя, Дэш, через всю морду написано «Хасбро», не узнать тебя сложно.

Гайка продолжила:

- Мы путешествуем вместе, а колес у нас нет... И мы даже не знаем, почему тут оказались.

- Разве никто не объяснил вам? Обычно это происходит на первый-второй день.

Дэш и Гайка переглянулись.

- Мне до сих пор слабо верится, что это загробный мир, - прижав уши, сказала Рейнбоу, - хотя все больше доводов в эту пользу. И не скажу, что мне это по душе.

- Глядишь, скоро и впрямь додумаешься до очевидного, - сварливо пробурчал мыш.

Раздался свисток чайника, и, повинувшись очередному движению рычагов, в чашки и миски с порошком полился кипяток. По комнате поплыли запахи кофе и супа быстрого приготовления.

Гайка вздохнула. Она уже и забыла, насколько белый головастый мыш ворчлив и угрюм. Но при всем при этом - более отзывчивого и щедрого друга она еще не встречала. И что показное безразличие и злая ирония - лишь социальный щит.

Правда, Рейнбоу Дэш не могла этого знать:

- Смелое заявление для белой крысы!

- Мыши.

- Один хрен.

- Ну хватит! - сказала Гайка. - Как маленькие, право слово.

Пока все отдавали должное ужину, вдруг погасла лампочка: очевидно, где-то сел или вышел из строя аккумулятор.

Брейн, тихо ругнувшись, спрыгнул со стола и вышел наружу. Вскоре раздалось кашляющее тархтение: очевидно, мыш пытался заново запустить генератор.

- На самом деле, он гораздо лучше, если узнать его поближе, - вполголоса проговорила мышка.

- Не испытываю ни малейшего желания узнавать его поближе, - буркнула Рейнбоу Дэш. - Ладно, хоть покормил...

- Поверь, это меньшее, на что он способен.

- Он один из тех, кто жил с тобой в кукольном домике? – спросила пегаска, облокотившись на стол.

Гайка только кивнула, смотря в сторону, куда ушел мыш, и откуда доносился звон металла, хриплый рык не заводящегося мотора и сдавленные ругательства.

«Револьверный метатель ножей» – Тимми Фитцджеральду так нравится подсмотренная в жестоком мультике идея, что он поручает Гайке собрать ужасное устройство.

Для чего – не вызвало сомнений. Завтра адская машина будет опробована на живых игрушках.

Гаечка хочет сперва отказаться, но Тимми страшно кричит, топает ногами и грозит мучить мышку до тех пор, пока та не согласится.

Она не изменяет своего мнения ровно до тех пор, пока хвоста не касается безжалостное железо кусачек. Лишь тогда страх перед болью берет верх над гордостью...

Со слезами на глазах и презирая себя за трусость, Гайка приступает к сборке аппарата, которому суждено завтра отнять чью-то жизнь. Кто это будет? Кто-то из троицы братьев-бурундучков? Или, может, недавно признавшийся в любви Джерри, который на этой почве чуть не поссорился с Брейном? А может, Чип или Дейл, которые обрадовались Гаечке как найденной сестре?

Кота Тома уже нет с ними: безжалостный мальчишка подложил ему пачку петард, практически в точности повторив недавно пересмотренную серию мультика. Перекрученное и обугленное тело было вовсе не тем, что ожидал получить малолетний изверг, и в расстроенных чувствах потребовал новую жестокую игрушку.

Револьверный метатель готов уже к ночи. Но Гайка, которую переполняет черное отчаяние, не заканчивает на этом.

И зловещее оружие пробует кровь того, кто повелел его изготовить.

Когда же Гайку находят друзья, она сидит рядом с еще дергающимся телом малолетнего убийцы, в котором торчат все шесть ножей из барабана...

- Нам хана, – высказывает Чип вслух то, о чем думают все остальные.

- Я пойду собирать вещи, - говорит Брейн, поворачиваясь. - И всем советую делать то же самое. Нам надо как можно скорее бежать...

Нахлынувшие воспоминания рассеялись от гневного рыка Брейна:

- ...Омниссии Бога-Машины в душу мать!

Раздался более громкий удар металла о металл, после чего мотор генератора рыкнул и, наконец, завелся.

Лампочка, мигнув, вновь залила мастерскую неровным светом.

Когда же Брейн вернулся, задумчивая Дэш вдруг сказала:

- Нам нужно оружие. Желательно огнестрел или типа того.

Гайка вздрогнула, но мыш ответил:

- В мире Дорог никто не носит оружия.

- Я заметила, - отозвалась Рейнбоу. - Но почему? Его не продают даже. Ножи, и те только как инструменты используют. Когда на свалке полно пушек, техники... да что там, я там танки видела и самолеты с ракетами! Что за мир хиппи такой?

Мыш как будто и не удивился вопросу:

- Тут нечего делить, не над кем властвовать и невозможно ничего присвоить.

- Как же, нечего! - фыркнула пони. - В Сером Городе могли прирезать за пару ботинок и кусок дрянной жрачки, а тут, скажешь, не так?

- Не так. На Пути ты получишь все что нужно, если конечно, не будешь делать очевидных глупостей. Вроде как отправиться в пустыню без воды.

Брейн как будто не заметил, но Гайка и Дэш, переглянувшись, немного покраснели.

- Ну а что если кто-то решит отобрать чужое? - продолжила спрашивать пегаска. - Изнасиловать, наконец? Кто его остановит?

- Тот, чей путь ведет к насилию, очень быстро... выпадает из этого мира, скажем так, - объяснил мыш. - Важен только Путь. А тот, кто попытается пролить кровь, заблудится в двух берегах и очень быстро окажется в другом мире, более соответствующем... я так думаю. Кроме того, несущие в сердце насилие и зло, как правило, вообще не попадают сюда. Последний зафиксированный случай был очень давно, как я слышал. И то это больше походило на легенду.

Дэш криво усмехнулась:

- Ну-ну. Я вот гладиатор и убийца. Но я почему-то не исчезаю.

Брейн выразительно приподнял бровь:

- Но ты же никого не убила тут? И даже не хотела особо.

- Периодически я хочу кого-нибудь прибить. Например, кого-нибудь мелкого и раздражающего.

- Хотеть и делать - разные вещи, - заметил мыш.

- Да ладно, Дэши, - вмешалась Гайка, - ты ведь не такая.

Пони скрестила на груди передние ноги и отвернулась:

- Пфе! «Дэши такая», «Дэши не такая!» - передразнила она кого-то. - Предоставьте Дэши самой решать, какая она.

Мыши могли лишь догадываться о внутренних метаниях радужной пегаски, но себя у нее обманывать не получалось: то, что сказал Брейн, было правдой. Да и не могло не быть - пегаска и на арене всегда чувствовала волну отвращения, когда проливала кровь. То, что этим чувством она от отчаяния пыталась лишь заглушить собственную боль, ничего не меняло.

И уж конечно, хрен она бы в этом призналась. Даже себе - и то с трудом.

- Как же защищаться от опасностей, если тут нет оружия? - спросила Гайка, вернувшись к старой теме, и пони испытала чувство глубокой признательности за это.

- Если ты имеешь в виду хищников, бандитов и чудовищ, то их фактически нет, - ответил Брейн. - Опасности подстерегают тут в другом, и для каждого это индивидуально. Кто-то встречает свой страх, кто-то искушение, но общее у опасностей одно: они угрожают Пути, а не жизни.

Дэш снова повернулась на табурете и стукнула копытом по столу:

- Как же! А этот стебанутый волк?

Гайку и саму передернуло от воспоминаний. Этот волк даже на первый поверхностный взгляд чем-то неуловимо напоминал синтета-маламута Стила Фитцджеральда, старшего в «стае» охранников-собак. Излучал такую же тихую злобу затаившегося хищника.

И его маленькие грызуны боялись лишь немногим меньше, чем жестокого хозяина.

Брейн остался спокойным, как будто речь шла о совершенно будничной вещи:

- Если это твой страх, то никакое оружие тебе не поможет. Ни холодное, ни огнестрельное, ни ядерное.

Голубые уши мгновенно прижались к голове. Гайка знала, что у пони это свидетельствует о сильных чувствах. Как правило, негативных: страх, стыд, гнев...

Хотя на самом деле мысли пегаски были заняты тем, что перед свалкой они потеряли дорогу. И как это скажется на дальнейшем их путешествии, было совершенно неясно.

И не имело ли появление белого волка с глазами Алекса Вендара именно эту цель...

От подобных мыслей становилось жутко до холодного комка в животе.

- Нет, - тихо сказала Рейнбоу, прикрыв глаза, - этого не может быть. Это неправда. Это просто невозможно...

Белый мыш вздохнул и понимающе посмотрел на Гайку.

Та, тоже чувствуя некоторое нервное напряжение, встала и подошла к пегаске. Рискнула мягко дотронуться до копыта и сказала:

- Мне тоже не по себе от этого, Дэши. Но нам, похоже, придется взглянуть правде в глаза.

Рубиновые глаза впились в мышей.

- Это просто совпадение, - враз отвердевшим голосом процедила пони. - Совпадение и чья-то игра на моем подсознании. И он пожалеет об этом, когда я до него доберусь.

- Стадия отрицания, - фыркнул Брейн. - Постарайтесь скорее ее пройти.

В следующее мгновение он увернулся от просвистевшей в воздухе грязной тарелки, со звоном улетевшей куда-то в темный угол.

- Считай, что прошла, - злобно бросила Рейнбоу, садясь на место.

Из темноты вышла белая лисичка с тарелкой в зубах и, ловко запрыгнув на один из табуретов, вернула ее на стол. Укоризненный взгляд глаз-бусинок был предназначен Рейнбоу.

- Белый волк, белая лиса, белый мыш, Белый Шпиль, - проворчала та. - Еще не хватает белой горячки и белых тапочек.

- Еще белый халат забыла, - улыбнулась Гайка.

- О да, простите меня. И белый флаг капитуляции перед жизнью. Пусть и загробной.

- Даже в этом случае это будет твой личный выбор, - вставил Брейн.

- Проклятье, я лишь перед самой смертью стала мечтать о свободе выбора.

- Ты его получила. В полном, замечу, объеме.

- О, спасибо, - ядовито прошипела пони, - большое спасибо! А отобрать у меня небо - тоже часть «свободы»?

- Не нравится вкус, нечего было просить.

- Я не просила! Я все взяла сама!

Брейн пожал плечами:

- Пусть так. Сути это не меняет. А сейчас, не хотите ли отправиться спать, девочки? Душ могу предложить только тебе, Гайка.

- Воды жалко? - хмыкнула Дэш.

- С водой тут и вправду не очень, - не обиделся Брейн, - но главная проблема в том, что мой душ рассчитан на мышиный рост. Впрочем, если угодно, в твоём распоряжении машинная мойка на улице. Со шлангом управись? Правда, вода там довольно железистая и холодная.

- Обойдусь, - пони бросила взгляд на продолжающую сидеть за столом лисичку. - Ну, а тебе что надо?

- Она не умеет говорить, - ответил за ту Брейн, - но все понимает. В общем, Дэш, можешь лечь в машине на сиденье, там же вроде покрывало было укрыться. А мы с Гайкой...

- Приятных скачек, - перебила пегаска.

Не дождавшись ответа, она спрыгнула со стула и направилась в недостроенную машину.

Вскоре возня и шорох ткани стихли: пони устроилась спать, явно устав за день больше, чем показывала.

Брейн положил ладонь поверх руки Гайки, и в глазах той мелькнули озорные искорки:

- У тебя ведь одна кровать, да? - спросила она.

- Да. И два одеяла. Но лучше ляг с Рейнбоу. Или тут, на столе.

- Почему?

- Потому что не хотелось бы давать волю чувствам. Слишком много времени прошло, и я уже смирился с тем, что никогда тебя не увижу... Особенно в свете того, что в свое время ты выбрала не меня.

- Я понимаю, - Гайка мягко дотронулась до щеки головастого мыша.

Тот поднял взгляд и, действительно увидев в голубых глазах понимание, робко улыбнулся в ответ.

- Спокойной ночи, Гаечка, - сказал он и встал, чтобы уйти.

Мышка не стала его держать:

- Спокойной ночи, Брейн...

Когда одетая в застиранный комбинезон фигура мыша, отключив генератор, исчезла в тенях мастерской-дома, Гайка лишь улыбнулась чему-то своему.

Здесь, сейчас, ей совсем не хотелось думать о том, что ее собственные страхи подобрались

совсем близко.

Белая лиса, кинув взгляд на мышку и покосившись в сторону машины с Дэш внутри, вышла на улицу. Очевидно, ей спать под крышей было неудобно.

Гайка успела достать спальник и разложить его прямо на столе, как в темноте раздался хрипловатый голос пегаски:

- Ну и что насчет Брейна? Я удивлена, право.

- О чем ты?

- Брось, я не слепая и вижу, как он на тебя смотрит.

Мышка подумала о том, что темнота скроет ее румянец, и это хорошо.

- Мы... мы просто друзья, - помявшись, сказала она и вернулась к тому, чтобы расстелить миниатюрный спальник.

- Угу, друзья, - фыркнула Дэш. - А ты ему об этом сказала?

- Что ты имеешь в виду?

- Вы не виделись двадцать лет, а он все еще смотрит на тебя влюбленными глазами, ожидая чего-то. Ищет какие-то оправдания и старается изо всех сил на тебя не давить. А ты, стало быть, махнешь на это рукой в расчете, что все утрясется само собой? Мило.

Гайка, которую посетила целая гамма эмоций, выронила одеяло и в сердцах воскликнула:

- Какая же я дура!

- Не отрицаю, - фыркнула Дэш.

В темноте и тишине был слышен удаляющийся топоток, затем - приглушенный перегородкой тонкий голос.

Слов было не разобрать, но Рейнбоу в этом и не нуждалась. Перевернувшись на другой бок, она закрыла глаза и пробормотала:

- И это она за мной типа должна присматривать. Пфе!..

* * *

«Пони-Плей». После роковой ночи, когда жизнь Рейнбоу Дэш Вендар разбилась вдребезги о жестокость и похоть Алекса Вендара.

В клубе все было как обычно. Музыка, выпивка, веселье... боль, кровь и страх.

Дэш Вендар не хотела никуда идти, но ей было сказано, что в таком случае ее поведут на поводке прямо по улице. Сил спорить и сопротивляться нет, и пони угрюмо согласилась. Алекс почти сразу отошел уладить пару дел насчет будущих боев, оставив воспитанницу в зале. Та, вопреки обыкновению, не пошла общаться с бойцами, а только уселась на свободный диванчик и тупо уставилась на сцену, где сейчас пели взрослые Свити Бель и Скуталу, отошедший от «Пинк Дрэгона» дуэт.

– Дэш Вендар? – спросили рядом, вырывая из мыслей о прошедшей ночи.

Пегаска повернулась и словно взглянула в искаженное зеркало. Рядом стояла Рейнбоу Дэш Хоул. Куда более старшая и даже слегка уже потускневшая от возраста. Но – все еще опасный, матерый боец Арены. И не юниорской лиги.

А еще – не надоедающая Алексу Вендару шлюха со склонностью к жесткому мазохизму. И многие шрамы на шкуре – вовсе не следы арены.

– Ты чего это расселась? – спросила тем временем Хоул, обходя диванчик со столиком вокруг. – Не похоже на тебя. Где эта заводная малявка, чемпионка младшей лиги?..

Злобный взгляд из-под радужной челки впился в старшую пегаску. Та на мгновение осеклась, но потом вдруг расхохоталась. Зло, издевательски:

– О, добро пожаловать в наш клуб! Вижу, Алекс таки не удержался. Силен мужик, шестнадцать лет терпел!.. И как тебе?

– Да пошла ты! – огрызнулась Дэш Вендар, подавив желание броситься на собеседницу.

– Ну, ну, – голос Дэш Хоул приобрел успокаивающие нотки взрослого, разговаривающего с расстроившимся из-за пустяка ребенком. – Мы все через это проходили. Первый раз пугает, второй уже вполтину не так, а на десятый это даже приятно. Так что расслабься и получай удовольствие...

- Не собираюсь!

- Сопротивление бесполезно, – будто бы со знанием дела сказала старшая Рейнбоу, – и только все усложнит. Особенно с Алексом – его это возбуждает, так и знай.

Дэш Вендар решила, что лучше будет просто игнорировать пошарпанную человеческую подстилку, но не тут-то было:

- По крайней мере, – раздались ядовитые слова, – ты теперь не сможешь задирать нос, Вендар. Ты не выше и не лучше. Твой хозяин – такой же как все, и ты тоже такая же как мы. Человеческая шлюшка.

Дэш Вендар с рыком вскочила, и лазурные копыта с треском ударили по столу.

- Рычи сколько хочешь, – фыркнула Дэш Хоул, – ты меня не заткнешь.

- А вот и заткну, – процедила Дэш Вендар, после чего добавила громче. – Я вызываю тебя! На Арену! До смерти!

Старшая Рейнбоу не успевает возразить, как Вендар совершает быстрые манипуляции со своим коммом.

Остальное делает автоматика. Безжалостная и умная. В табло над ареной появляется надпись «Рейнбоу Дэш Вендар, вызов Рейнбоу Дэш Хоул». На красном фоне. Это означает, что с арены уйдет только один участник. Если конечно, вызов будет принят.

- Самоубийца, – презрительно бросила старшая пегаска, покосившись на табло. – Думаешь, научилась драться среди подростков, так сразу стала крутой? Адольф тебе давеча наглядно продемонстрировал, что это не так.

- Лгать! – процедила Дэш Вендар. – Я тебя урою, сука старая! Принимай вызов или завали свою гнилую пасть!

Вокруг двух радужных пегасок образовался круг из людей и пони. Вызов до смерти – явление даже для «Пони-Плея» редкое. Пони слишком любят жить. Настолько, что даже жестоким хозяевам не всегда удастся заставить их драться до конца.

Взгляды одинаковых глаз встречаются. Один – переполненный бешеной злобой, второй – скорбным сочувствием.

- Что ж, тогда встретимся на арене, – презрительно фыркнула Рейнбоу Дэш Хоул, отходя и нажимая мигающую на экране комма иконку принятия вызова, – Там и сдохнешь, тупая

малявка. Спасибо потом можешь не говорить.

- Сама сдохнешь, - крикнула вслед Вендар, не желая ничего замечать, - НЕДОРЕЙНБОУ!

Отвернувшись от уходящей Хоул, Дэш встретила взглядом с двумя стальными глазами Алекса.

Душа моментально ушла в пятки, но хозяин не сказал ни слова по поводу незапланированного поединка.

Только молча подошел к кассе и сделал ставку на воспитанницу.

Увидев цифры, Дэш Вендар похолодела. Она прекрасно знала, что эту сумму Алекс когда-то заплатил за нее саму.

Целую жизнь назад.

* * *

Арена.

Слепящий свет софитов и рев толпы, заглушающий даже гремющую музыку:

- Словно псы, что дерутся за кость,

Обреченные рвут друг другу плоть.

В их глазах не азарт и не злость,

Ничего кроме боли

Ты один не сломался, не лег

От ударов хранил тебя Господь

Видишь, Цезарь сошел на песок

Наградить тебя волей!

Давно «Пони_Плей» не видел такого боя, да еще насмерть.

Две Рейнбоу Дэш, Хоул и Вендар, сошлись на песке. Опыт и молодость, спокойствие и ярость, легкие клинки против хвостового кистеня.

Вендар вся избита, окровавлена, но сил ей придает сама Хоул: как же молодой пегаске хочется стереть с морды противницы эту самодовольную, издевательскую усмешку, от которой будто заново накатывают воспоминание прошедшей ночи, а бедра сводит судорогой боли.

Хоул – опытный, умелый боец, и молодая Вендар очень быстро убеждается в том, что гладиаторы-юниоры – не противники бойцам высшей лиги. Ей удается нанести только несколько царапин и ударов, бессильно выбивающих звон из лат зрелой Рейнбоу. Но и та никак не может нанести решающий удар: Вендар слишком быстра и подвижна. Кроме того, ее композитный доспех не дает главному оружию Хоул нанести рану шипами.

Остается одно: вымотать более старую противницу с подорванным здоровьем.

Вендар резко откатывается в сторону, и песок взмывается облаком там, где она только что была, от удара шипастого шара.

Орущий на сцене человек в коже и металле продолжает выводить свою песню. Та вызывает лишь раздражение: наверное, брони считают, что заводить подобное во время боя круто, но Дэш сейчас зла на весь мир, и ей хочется набить морду не только Хоул, но и певцу, и вообще как можно большему количеству пони и людей.

– Святой судьбе

Не прекословь!

Воет толпа,

Чувствует кровь,

Не стоит скорби

Ни жен, ни друзей

Жизнь гладиатора.

Колизей!

Наступив на цепь и оттолкнувшись, Рейнбоу сносит своего двойника с копыт. Дэш Хоул падает, лязгнув броней, но находит в себе силы вскочить и сцепиться с юной пегаской во фронтальном захвате. Несколько секунд продолжается отчаянная борьба, потом Вендар с торжествующим воплем заваливает Хоул и с силой прикладывает о борт арены раз, другой, третий...

«Эх, старость, старость», – читает молодая Рейнбоу по разбитым губам противницы.

Музыка продолжает реветь, вторя толпе, и солист срывается почти на визг:

– Твой враг в пыли

Жалок и слаб,

Загнанный зверь,

Раненый раб

Еще секунда и скажет «Убей!»

Перст императора.

Колизей!

Молодая пегаска от души прикладывает копытом по морде Хоул. Брызгает красным. Вендар хохочет в голос и бьет снова. И еще. И еще.

– Не заткну, говоришь?! – в безумном восторге спрашивает она в перерывах между ударами. – Не заткну? Вот! Смотри, как я тебя затыкаю, сука!

Рейнбоу Дэш Хоул еще пытается вырваться, но после какого-то из ударов теряет последние силы и только лежит, даже прикрыв глаза.

Дэш Вендар вздергивает противницу за ворот нагрудника и снова прижимает к борту арены.

– Последнее слово, старая развалина? – насмешливо спрашивает Вендар, стараясь не замечать рвущей боли от побоев и ноющей – внизу живота, где открылись вызванные недавним изнасилованием раны.

На разбитой мордочке постоянной любовницы Алекса Вендара появляется кривая усмешка. Пегаска сплевывает красным на песок и говорит, хрипло и шепеляво:

– Ты еще горько пожалеешь о том, что шделала, девочка...

Дэш Вендар, взревев от ярости, втыкает накопытный клинок прямо в нагрудник, вскрыв металл будто консервную банку. Лезвие идет вверх с хрустом и скрежетом, и на молодую пегаску хлещет целый горячий поток.

Вендар не останавливается, пока копыто не упирается в нижнюю челюсть уже обмякшей Хоул.

Толпа ревет.

Рейнбоу Дэш поворачивается и задирает голову, стоя на задних ногах и расправив для равновесия крылья. Сейчас она похожа на ангела смерти: покрытая пылью, измятыми бронепластинами и дымящейся кровью.

Алекс Вендар улыбается с трибун, но вместо восторга Рейнбоу Дэш теперь испытывает волну нахлынувшей ненависти.

Передние ноги вздымаются, приветствуя толпу, а из горла вырывается хриплый крик, подходящий скорее разъяренному зверю, а не маленькой пони...

...Рубиновые глаза распахнулись.

Рейнбоу Дэш, изо всех сил не желающая больше считать себя Вендар, резко села на сиденье небольшой машины.

Вся пони была покрыта холодным потом, а дыхание с присвистом вырывалось из груди, пытаясь накачать кислородом кровь, что бешено гнало безумно колотящееся сердце.

Рейнбоу обхватила себя передними ногами и крыльями.

Проклятое прошлое не давало покоя ни днем, ни ночью, вытаскивая на свет все новые и новые неприглядные картины.

- Она это заслужила, - сказала Дэш вслух, обращаясь непонятно к кому. - Заслужила, ясно?

Вышло жалко и неубедительно. Особенно с надломленным от слез голосом.

Старшая подруга, которая своим цинизмом и опытом всегда могла подтолкнуть наивную и такую восторженную в то время пегасочку к нужным выводам. С кем можно было говорить по любым вопросам и получить ответ. Правда, зачастую вгоняющий младшую Рейнбоу в краску.

Дэш выпрыгнула из машины и двинулась во двор.

Белой лисицы нигде не было видно: или ушла спать в какое-то укромное местечко, или же вовсе свалила.

Рейнбоу сварливо надеялась на второе: неожиданная попутчица вызывала лишь раздражение. И совершенно неясно оставалось, зачем она сюда их привела, и вообще, случайно или нарочно. Если второе, то в чем была цель?

Думать об этом не хотелось.

Пегаска чувствовала себя невероятно грязной. Как в переносном смысле, так и в прямом: пот, смешавшись с дорожной пылью, породил неприятное чувство под шерсткой, грозящее перерасти в настоящий зуд.

Чувствительность шкурки к загрязнению и стремление к чистоплотности было одним из императивов поведенческих программ, но Рейнбоу Дэш Вендар об этом не знала. Хотя бы потому, что не давала себе труд слишком уж детально изучить тайну собственного происхождения.

А начини ее кто расспрашивать, нарвался бы лишь на замысловатое посылательство.

Снаружи и впрямь оказался шланг, подсоединенный к уходящей в землю трубе. Неподалеку от эстакады, где, похоже, и происходила мойка машин.

Зачем это нужно Брейну посреди пыльной степи, Дэш даже не задумывалась.

Повоевав с вырывающейся резиновой змеей минуту-другую и вымокнув до нитки, она, наконец, смогла закрепить металлический ствол шланга в решетке эстакады и отрегулировать напор так, чтобы он не сбивал с ног.

Получился почти что душ.

Вода оказалась и вправду холодной, но Рейнбоу было не привыкать. Наоборот, ледяная струя оказалась бодрящей и смыла не только грязь, но всякие глупые мысли.

Пегаска с удовольствием вымылась и даже почистила и оправила перья (пофиг, что антиграв не работал, не вечно же так будет продолжаться!). Мыло оказалось тут же, рядом с трубой и кучей ветоши. И хотя кусок был довольно низкого качества, пони не жаловалась: во-первых, ее с детства приучили обходиться тем, что есть, а во-вторых, было просто некому.

Когда же пегаска вылезла из-под струй и с удовольствием отряхнулась, то заметила, что за ней наблюдают.

– Ах ты, извращенец! – прорычала Дэш, прикрывшись крылом. – И давно ты пялишься на мой круп?

– Только что пришел, – спокойно ответил Брейн.

– Отвернись! – потребовала пегаска, и мыш послушно развернулся спиной.

Очевидно, нападения пони он не ждал:

– Да пожалуйста. Я вообще вышел кое-что из материалов взять. И инструментов.

– Как же!

– Мне совершенно не интересны твои понячьи прелести. И по причине размера, и по причине вида. Подумай сама, что мне за интерес. Я бы понял, если бы ты за Гайку опасалась. Но ты-то мне на кой?

Рейнбоу, одеваясь, не ответила. По всему выходило, что мыш прав, но Дэш терпеть не могла, когда давили интеллектом. Сразу копыта начинали чесаться навалить очередному умнику.

- А сам сколько ты тут? - влезая в кожаные шорты, спросила она, чтобы разорвать затянувшуюся паузу. - Пятнадцать, двадцать лет? Можешь повернуться.

- Двадцать примерно, - ответил Брейн, - но тут время нелинейно.

Он и вправду повернулся и продолжил свой путь к нагромождению ржавых железяк, которым, очевидно, не нашлось места в мастерской и которые Дэш приняла за простую кучу хлама, коих на свалке было великое множество.

- И ты, стало быть, все об этом мире знаешь? - продолжила спрашивать пони. - Видел Белый Шпиль, о котором все говорят, иные диковинки этого причудливого мира, города, населенные кем-то или чем-то, так?

В голосе Брейна, впервые за время общения с Дэш, появилась неуверенность:

- Нет...

Дэш, смотря в противоположную сторону и думая о чем-то своем, уточнила:

- А почему?

- Я не смог.

Рейнбоу, наконец, соизволила посмотреть на Брейна, смущенно вертящего в руках какую-то мелкую деталь, и в голосе ее послышалось раздражение:

- Не смог что? Бросить эту, - пони обвела копытом вокруг, - рухлядь, опасаясь, что ее кто-нибудь растащит? Или от медвежьей болезни страдаешь? Так кустиков тут полно.

- Я не могу уйти, - хмуро отозвался белый мыш. - Я жду кое-кого.

Пегаска фыркнула:

- Поздравляю! Ты дождался. Вот я, вон, - она кивнула в сторону мастерской, - Гаечка, пошли. Я даже вас обоих подвезу, чай, хребтина не переломится.

- Ты не понимаешь, - вздохнул Брейн. - Все не так просто.

В груди Дэш поднялась волна раздражения. На все: на этот гребаный мир, на советчиков, которым самим не хватает духу пройти дурацкий Путь, на собственные страхи, кидающиеся на и без того намозоленную душу:

- Не понимаю? Не просто? Я гребаный гладиатор! Я убила столько, что сбилась со счета! И пока я иду по этой гребаной дороге, изображая то ли Дороти, то ли Роланда Дискейна, то ли еще какого странствующего полудурка, меня посещают видения о тех, чью жизнь я отняла и об упущенных возможностях. И, Дискорд возьми, это уже изодрало мне душу, но все кругом утверждают, что это еще цветочки, и что я чего-то недопонимаю! И если Гайка встретила тут тебя, то у меня есть все шансы вон за тем поворотом встретить гребаного Алекса Вендара, сдохшего от моих копыт. Или Скуталу, которую я не смогла спасти.

Брейн не ответил, и Дэш сорвалась на крик:

- Но я, мать твою, иду! Иду по этой гребаной дороге вперед! Так что не говори мне про то, что все не просто!

Мыш, потеряв самообладание, взвился:

- Я не ты!

- Конечно! Ты просто жалкий трус, что ждет знака свыше! Насмотрелась я на таких, - собеседник не мог этого знать, но пегаска забывшись, имела в виду саму себя. - Но знаешь что? Не будет никакого знака!

Брейн ощутимо вздрогнул, а Дэш продолжила:

- Делай то, что должен, сейчас, а не потом. Не через пять минут и не через пять лет! А ты... ты свой шанс пролюбил! Сначала с Гайкой, а теперь тут! Думаешь, встретишь кого-то из старых друзей? Прошло... сколько ты там говорил? Двадцать пять лет?!.. И Гайка - последняя ниточка из твоего прошлого! Остальные давно уже ушли далеко вперед, а то и вообще никогда не появлялись в этом гребанном чистилище! Это конец! Финиш! А ты стал лишь жалкой тенью, призраком, эхом.

Спроси кто Рейнбоу, что на нее нашло, она даже не взялась бы объяснить. Ну какое, скажите на милость, ей было дело до одинокого мыша, живущего посреди свалки? Но стоило вспомнить лицо Гайки, словно осветившееся светом после взгляда на старого знакомого, как в груди поднималось на волне гнева чувство глубокого протеста и неправильности происходящего.

Радужная пони просто чувствовала, что должна что-то сделать с этим. И то, что она понятия не имела, как и что, лишь усиливало это чувство, сейчас прорвавшееся гневной тирадой.

Она отошла уже к самым дверям и не могла видеть, как Брейн изо всех сил пытается сдержать

подступившие слезы.

Потому что Дэш, сама того не осознавая, попала в точку.

И Брейн, раз за разом откладывая решение двинуться дальше по Пути, лишь каждый раз искал поводы для этого. Логически обоснованные, подкрепленные опытом, но все равно остающиеся оправданиями и самообманом.

* * *

...Рейнбоу Дэш вернулась в гараж и снова улеглась на единственное сидение машины, не разделенное на отдельные кресла.

Ей было хорошо физически (если не считать неспособность взлететь), но при этом совершенно мерзко на душе.

Будь она сама на месте Брейна, то уже как минимум указала бы наглым гостям на дверь. Но белыймыш, похоже, собирался проглотить все то, что ему выдала в сердцах радужная пегаска. И насколько та поняла, все равно оставить все как есть.

А еще нужно было что-то делать с дальнейшей дорогой.

До зуда хотелось подловить окружающий мир на нереальности. Для этого нужно было сделать что-то, чего не допускала программа ни под каким видом. Убийства, грабежи, секс, алкоголь, суицид и прочее тут не годилось: скорее всего, это приведет лишь к усложнению пути, а то и к отбросу на начало. И ведь еще и не вспомнишь потом, что по второму кругу идешь.

А значит, нужно было что-то из ряда вон. И не такое банальное.

Правда, существовала проблема. Рейнбоу Дэш вовсе не была Твайлайт Спаркл, и сходу придумать хитрый яйцеголовый план попросту не могла.

Из размышлений пони была вырвана рыком включившегося дизель-генератора. Высунувшись из машины, Рейнбоу увидела, что старый движок уже всюю крутит динамо-машину, а из-под багги торчит нижняя часть тела Брейна.

Тот, видимо, почувствовав движение наверху, подал голос:

- Так, ты, вьючное.

- Я сказала тебе я...

- Да-да, волшебная лошадка из не менее волшебной страны, которая считает себя лучше всех остальных. Подай отвертку. Лежит где-то рядом с тобой.

- Я тебе сейчас копытом подам так, что улетишь! - огрызнулась лазурная пегаска, вылезая на пол ангара.

- Я-то хоть полечу, а вот ты этого сделать не сможешь еще долгое время, - подковырнул мыш, вылезая из-под машины.

Рейнбоу издала глухой рык, но тут раздался голос Гайки, спрыгнувшей со стола и вставшей между пегаской и мышем:

- Прекратите сейчас же! Оба! Сколько можно?

- Он знает, что у меня с антигравом!

- Знаю, - не стал отпираться Брейн. - И с уверенностью скажу, что само оно не пройдет. Этот мир играет по собственным правилам, и если он решил, что тебе надо идти пешком - ты пойдешь.

- Это дерьмо я уже слышала! - вспылила Дэш. - Я всю жизнь играла по чужим правилам, исполняла чью-то волю и никогда, слышишь, НИКОГДА не могла принять решение, к которому меня не подталкивали! Всегда это оказывалось волей Алекса! Вы с Гайкой что-то смыслите в гребаной технике, так сделайте что-нибудь с моими крыльями! Или вообще механические. Потому что я не собираюсь и после смерти плясать под чужую дудку.

Мыши переглянулись.

- Самолет? - робко спросила Гайка.

Брейн покачал головой:

- Ближайший аэродром в сотнях километров. И не факт, что там есть исправный маломерный аппарат. А огромный лайнер вам ни к чему, мне думается. Да и вы знаете, наверное, что Путь - это не расстояние.

- Брейн, ну ты же гений, - улыбнулась Гайка. - В жизни не поверю, что ты ничего не можешь

сделать.

Белый мыш ненадолго задумался. И Гайку, и Рейнбоу Дэш посетила мысль о том, что в его душе сейчас происходит нешуточная душевная борьба.

- Ладно, - нарушил он, наконец, повисшую паузу, - Гайка, ради тебя. У меня есть знакомый, и живет он недалеко. Но предупреждаю, он с нехилым прибабахом. Так что договаривайтесь с ним сами, а я туда не ездец.

- Не хочешь пойти с нами? - спросила мышка, взяв руку Брейна в свою.

Тот отвел взгляд:

- Нет. Я дождусь Пинки. Даже если придется ждать еще сотню лет, я дождусь.

- Пинки? - удивилась Рейнбоу. - Пинки Пай? Никогда бы не подумала, что между жизнерадостной розовой пони и таким угрюмым шибздиком, как ты, может быть что-то общее.

Брейн только в отчаянии накрыл лицо ладонью, а Гайка, улыбнувшись, пояснила:

- Дэш, Брейн не про Пинки Пай. А про своего друга, тоже мыша.

- Мыша, названного в честь Пинки Пай? Странно все это.

Брейн с тяжким вздохом покачал головой:

- Странно то, что в такой большой голове огромные глазищи, а для мозгов места не осталось.

- Ну, все! Я долго терпела, но это была последняя капля. Иди сюда, крыса лабораторная!

Гайка издала испуганный возглас, когда лазурное копыто наотмашь ударило по спокойно стоящему Бреину. Но вместо звука удара послышался треск и сдавленное ругательство пони. Вокруг мыша обозначилось синее сияние барьера, а Рейнбоу Дэш отдернула отбитое копыто.

- Я всегда говорил, что мозг превосходит мускулы, - спокойно сказал Брейн. - Что уж говорить о тех, кого создатели мозгом обделили?

Он протянул руку, и Рейнбоу Дэш, окутавшись белесым сиянием кинетического поля, поднялась в воздух и перевернулась вверх тормашками.

- Пусты меня! – тут же заорала пегаска, дергая ногами и крыльями. – Пусты, а то хуже будет!

- А я как раз думаю, – ответил Брейн, держа вытянутой руку с браслетом и что-то в нем настраивая, – не зашвырнуть ли тебя подальше... метров на пятьдесят, как думаешь?

- Не надо! – крикнула Гайка.

Брейн смерил ее тяжелым взглядом:

- Пусть тогда умерит свой темперамент. Мое терпение закалено на Пинки, но оно не безгранично.

- Ты такой крутой только благодаря своим приспособлениям! – продолжила возмущаться висящая в воздухе пони. – А без них ты ничто!

Брейн спокойно возразил:

- Ошибаешься. Без них у меня останется это, – он указал пальцем на свою голову. – А вот ты уже ноешь от того, что не можешь летать. А что, если бы ты не могла ходить в этом мире? Небось, умерла бы со стыда, ведь попросить помощи для тебя слишком «не круто», да?

Рейнбоу вспомнила про случай с полками и была вынуждена признать правоту белого мыша.

Но снова лишь мысленно – такого удовольствия как признание собственной глупости, пегаска не намерена была доставлять надоедливому грызуну.

Брейн, пройдясь туда-сюда и все еще держа Рейнбоу в подвешенном состоянии, продолжил:

- Тебе надо научиться полагаться не только на себя и то, чем тебя наделило «Хасбро», но и на то, что могут тебе предложить другие. Ты должна научиться не только помогать, но и принимать помощь. И пока ты этого не поймешь, то так и останешься пленницей собственных грез и воспоминаний. Прикованной к земле.

С этими словами Брейн убрал силовое поле, и Дэш шлепнулась на землю.

Какое-то время в душе пони боролись два желания: броситься в новую атаку или прислушаться к словам. Поджав губы, она какое-то время смотрела прямо в глаза белого мыша, что спокойно ждал реакции.

- Т-ты... – процедила она, – просто гребаный виртуальный бот. Или натуральный идиот. Не услышал ничего из того, что я сказала. Ничего! А еще поучать берешься, бесполезная

шмакодявка.

Гайка уже хотела попросить объяснений, но напоролась на взгляд двух рубиновых глазищ и осеклась.

- Идите, - сказал мыш, нарушив затянувшееся молчание, - вы и так отняли у меня много времени. Знакомый мой живет на склоне, сразу за свалкой. И ваша Дорога там отыщется, я уверен.

- Да катись ты, - рыкнула пони, резко разворачиваясь и направляясь к выходу.

Гайка беспомощно посмотрела вслед Рейнбоу, затем перевела взгляд на Брейна.

- Удачи вам. Надеюсь вы найдете то что ищете, - сказал тот.

С этими словами он отвел взгляд, но почувствовал, как тонкие пальчики берут его за руку.

- Подожди, - сказала Гайка, - я не могу вот так взять и уйти от тебя, ничего даже не сказав.

Брейн поднял на мышку глаза.

- Нам надо поговорить, - тихо добавила та, приложив усилие, чтобы не отвести взгляд. - И не как ночью.

Белый мыш только кивнул.

Его и самого терзали вопросы, которые, как оказалось, он и без того слишком долго откладывал...

* * *

...Рейнбоу Дэш, злобно бормоча ругательства, быстро шла прочь от мастерской-дома.

На душе у нее было паршиво, даже хуже чем раньше. И ей совершенно претила мысль о том, что гулкая пустота в сердце образовалась из-за отсутствия мелкой и надоедливой мыши, излишне любящей покопаться в чужой душе.

Мыши, которая являлась последней ниточкой, связанной с прошлым пегаски. И той, что заставила радужную пони с разбитой вдребезги душой измениться навсегда.

Оглянувшись пару раз, Рейнбоу убеждала сама себя, что поскорее хочет лишь одного: чтобы чертов дом белого мыша скрылся, наконец, с глаз. И яростно гнала прочь мысль, что хочет увидеть на дороге миниатюрную фигурку, бегущую следом со своим извечным «Дэш, подожди меня!».

Отойдя на приличное расстояние и забравшись на вершину очередного холма, она бросила последний взгляд назад и, увидев лишь пустынную старую дорогу, в сердцах плюнула:

– Что и требовалось доказать.

Отвернувшись, она начала спускаться. Дом Брейна и вправду скрылся из глаз, и в спину как будто потянуло промозглым холодком. И дело было тут даже не в тени от холма.

Выражение мордочки Рейнбоу изменилось. Раздражение и гнев сменились на самую настоящую обиду. Рубиновые глаза повлажнели, а нос жалобно шмыгнул.

И почему в этом... да и в любом другом мире всё всегда на поверку оказывается обманом? Почему только в подлости и предательстве нет никаких изменений нигде?..

– Ладно, – Дэш утерла нос копытом и взглянула вверх, словно обращаясь к неведомым кукловодам, – я буду по ней скучать. Довольны?! Ублюдки... Ненавижу...

Судорожно вздохнув и сморгнув с глаз влагу, пони порысила вперед. Она не отступится и не вернется. Пусть мыши подавятся своим счастьем на этой гребаной свалке, а ей, Рейнбоу Дэш, это не нужно.

Нагромождения старого металлолома и вправду простирались до самых гор, и вскоре под копытами вновь оказалось раздолбанное шоссе, которое, похоже, давным-давно пролегло здесь. Кто его построил, когда? Что появилось раньше, дорога или свалка? Ответов не было, да и не очень-то хотелось. Разве что поразмышлять об этом от скуки.

Мысли вернулись к Гайке, с которой можно было, по меньшей мере, поболтать. И к тому, что дорожная тишина, нарушаемая лишь цокотом копыт да шумом ветра, навеивает уныние и тоску.

Низкие же горы, в которые упиралась грандиозная свалка, даже в свете дня казались чем-то зловещим и недобрым. От этих далеких темных громад так и веяло холодом и неопределенностью, и даже какой-то необъяснимой жутью.

Пегаска предпочла списать это на невозможность облететь препятствие и перспективу шагать пешком через перевалы и серпантины.

А еще вернулся страх того, что она, Рейнбоу Дэш, осталась одна против опасностей этого мира. Вроде того волка с человеческими глазами.

В мерный цокот копыт неожиданно вклинился звук мотора. Непохожий на низкий рев грузовика или мощного мотоцикла сухой треск, подошедший бы, скорее, какой-нибудь малолитражке с неисправным глушителем.

Небесно-голубые уши наострились. Вскоре из-за холма показались угловатые очертания знакомой машины. Той самой, в которой сама Рейнбоу провела предыдущую ночь.

Машинка остановилась рядом с пегаской, подняв облако дорожной пыли. Дэш подавила желание закашляться, и только пару раз взмахнула крыльями, создав ветерок.

На приборной панели машины было дублирующее управление. Как раз такое, чтобы там поместился кто-то размером с мультяшную мышь.

Гайка, подняв на лоб круглые водительские очки, посмотрела на пегаску и виновато улыбнулась.

- Прости, - сказала она, - мне надо было поговорить с Брейном, после того как ты так неожиданно ушла.

Рейнбоу Дэш, которой в душе хотелось прыгать от радости и заполонившего сердце тепла, вновь придала мордочке равнодушно-презрительное выражение:

- Ну и что дальше?

- Садись. Нам одолжили эту машинку, доехать до гор. Дальше будет подземный проход, через который нас пропустит тот самый знакомый, и Брейн просил оставить транспорт у входа.

Рейнбоу фыркнула:

- Что же он не поехал с нами?

- Он поедет по своему Пути, Дэш. В надежде встретить Пинки. Не на Дороге, так в конце.

- Поверить не могу. Все же решился сдвинуться с мертвой точки...

Гайка перебила:

- Брейну нужно было встретиться с прошлым, прежде чем идти дальше. Увидеться и

поговорить со мной. Это тоже не давало ему покоя. Теперь его точно ничего не держит... Ты едешь или нет?

Пегаска запрыгнула на сидение багги. «Большое» управление оставалось не удел, и Дэш почувствовала хулиганское искушение подергать за рукоятки и посмотреть, какое управление будет приоритетнее.

- Основное управление заблокировано, - словно прочла ее мысли мышка, трогая машину с места. - Если хочешь, я дам тебе порулить.

- Надо очень, - буркнула пегаска, неожиданно для самой себя покраснев. - Крути себе баранку. Твоя очередь меня катать.

Гайка только улыбнулась грубости, смотря на дорогу. Эта Рейнбоу Дэш так старательно цеплялась за маску своей прежней жизни. Стеснялась своих чувств? Или боялась?

Почему-то казалось, что очень скоро на эти вопросы будет получен исчерпывающий ответ...

* * *

Шоссе, пронзившее свалку подобно серой спице, упиралось в горы. Не было ни перехода на серпантин или перевал, ни даже закольцованного тупика или обрыва трассы. Асфальтовое полотно просто уходило под скальный монолит, как будто тот поставили сверху чьей-то исполинской рукой.

Единственное, что внушало некоторую надежду - вход в пещеру, оборудованный самой настоящей дверью, куда свободно прошел бы крупный человек.

Вывесок и пояснительных указателей не было, равно как и каких-либо признаков благоустройства, если не считать ведущей к двери грубой каменной лестницы и как будто специально оборудованной на обочине стоянки. Правда, стояло там только два ржавых остова: колесная машина и что-то похожее на танк без башни.

Гайка вырулила на свободное место и обернулась к пони, что вольготно откинулась на сиденье, заложив передние ноги за голову и похоже, наслаждаясь поездкой и скоростью. Поза, подошедшая скорее двуногому, похоже, совершенно не вызывала неудобства у пегаски.

- Можно и дальше ездить на тебе? - спросила мышка.

- Можно перестать меня спрашивать каждый раз, - сварливо буркнула Дэш, выбираясь на асфальт. - Запрыгивай. Когда будет нельзя, я скажу.

Спустя короткое время она с Гайкой на спине поднялась к двери. Лазурное копыто, поднятое для стука, провалилось в пустоту: дверь резко распахнулась внутрь, вызвав нервное ругательство.

Внутри оказалась просторная пещера, страннее которой еще никому из попутчиц не доводилось видеть.

Первое, что бросалось в глаза - огромный выключенный экран. Кто-нибудь сказал бы: «во всю стену», но исполинский природный зал спокойно вместил циклопическое устройство, даже оставив место. Причем состоял экран не из множества маленьких, как в старину, и не являлся голограммой, как современные. Как будто кто-то специально сделал такой громоздкий и неудобный экран, который при незначительном повреждении выходит из строя весь.

И конечно, повернутое спинкой к входу крутящееся кресло из черной кожи прилагалось.

Слева от двери громоздился огромный массив стеллажей, на которых стояли в несколько рядов разноцветные склянки с какими-то надписями и датами. Рейнбоу не стала вчитываться, хотя острым пегасым зрением могла и различить поставленные жирным маркером слова и цифры.

Каменный пол, к слову, очень чистый, частично покрывал пушистый ковер, в котором моментально потонул цокот понячьих копыт. Справа высилось огромное роскошное ложе под балдахином, шкафы, комод - все невероятных размеров, будто тут жил очень крупный человек.

Дополняли обстановку нагромождения всякого непонятного оборудования, напоминающего то ли рабочие места палачей-кибертехников, то ли детали чего-то большего, то ли просто скульптуры из механического мусора.

- Такое впечатление, - сказала Дэш, - что некто пытался компенсировать недостаток размера в другом месте.

- Так-так, - раздался скрипучий голос с веселыми интонациями, - кажется, у меня гости.

Кресло повернулось, явив миру невысокого, скрюченного человечка в кричащем фиолетовом костюме с блестками. Сморщенная, похожая на полумесяц голова с выступающими подбородком и лбом была почти безволоса, но покрыта землистого цвета кожей, бородавками и шрамами. Крючковатый нос свисал до самого рта, а из-под кустистых бровей на гостей смотрели желтые маленькие глазки. Вялые уши топориком поблескивали золотыми серьгами.

Дополняла картину недобрая улыбка во всю физиономию, полная кривых и желтых зубов, и узловатые пальцы с нестриженными и потрескавшимися ногтями.

Все это дико не вязалось со щегольским нарядом, лаковыми ботинками и царящей кругом чистотой.

- Э... - замялась пегаска. - Привет?

- Привет-привет! - улыбка карлика стала еще шире и, казалось, сейчас вообще вылезет за пределы лица. - Рейнбоу Дэш и Гаечка, как же я вам рад!

- Ты нас знаешь? - опешила пони.

Изогнутая голова энергично затряслась в кивках:

- Конечно! Я очень люблю ваши мультики, вас трудно не узнать! Видите, какой телевизор? - хозяин пещеры показал на экран позади себя. - Мне ведь тоже иногда хочется отдохнуть... А уж о том, чтобы вы заглянули в гости, я и мечтать не смел!..

- Но мы не... - начала Гайка, но человечек перебил:

- Знаю-знаю! Это совершенно неважно. Добро пожаловать, почувствуйте себя, как дома!.. Или в любом другом комфортном месте, - спешно добавил он, встретившись глазами с Рейнбоу Дэш.

Пони и мышка переглянулись. Станный тип выглядел дружелюбным. Хотя с его темпераментом, пожалуй, и впрямь раздражал бы спокойного и рассудительного Брейна. Да еще эти бородавки...

- Итак, - карлик потер ладони. - Разрешите представиться. Румпельштильцхен...

- Кто?! - переспросила Дэш. - Да я твое имя и после стакана не выговорю! Такое же уродское как ты!

Гайка хотела что-то предостерегающее сказать, но осеклась: Рейнбоу не дала ей и шанса.

- Можете звать меня Румпелем, - милостиво разрешил карлик, нимало не обидевшись и заложив ногу на ногу. - Я мог бы предстать перед вами в виде доброго хоббита, мудрого старца или хоть плюшевого мишки, но...

Повисла пауза.

- Но? - переспросила Рейнбоу Дэш, попавшись в несложную психологическую ловушку.

- Но с вами я предпочту без масок, - довольно кивнул человечек. - Честно показываю свою

кривую рожу и такое же тело.

– Избавь нас только от показов своего тела, – поморщилась Рейнбоу Дэш. – Нам надо на ту сторону, и только.

– Это ведь неправда, маленькая пони, – усмехнулся Румпель, – и ты это знаешь.

Пегаска чуть склонила голову и прижала уши. Этот уродливый человек начал ее раздражать, несмотря на дружелюбный тон. Почему-то подумалось, что в «Пони-Плее» он вполне вписался бы в обстановку и духовный климат. Было в нем что-то... прогнившее.

Огромные шкафоподобные часы с маятником, но почему-то без стрелок, неожиданно ударили, заставив гостей пещеры вздрогнуть.

– Как не стыдно, – продолжил карлик, – я к вам с открытым сердцем, а вы...

Рейнбоу почувствовала, как в груди начинает закипать гнев. Крылья сделали попытку расправиться от одной мысли, что этот уродец ведет какую-то свою игру.

Румпельштильцхен тем временем довольно потер руки. На одном из запястий обнаружили тусклые четки с довольно большими бусинами.

– Ого... сколько боли, страха, ненависти, – довольно проговорил он. – Давненько ко мне не захаживала такая годнота!

– Чего?! – протянула пони, до которой не сразу дошел смысл сказанного.

Узловатые пальцы начали перебирать четки, когда Румпель пояснил:

– В твоей душе. У вас обеих. Но у тебя – больше, ярче... Я хочу, чтобы вы обе мне рассказали об этом. В подробностях. Такова моя цена за проход.

– Как насчет простого бартера? – спросила Гайка, которой тоже совсем перестал нравиться собеседник.

Скрюченный человек лишь рассмеялся, обедев рукой роскошно обставленный зал:

– Посмотрите вокруг! Неужели вы думаете, что мне нужно что-то из вашего хлама? Нет уж, я хочу вашу боль, ваши страдания, отчаяние и страх. И, если хотите получить то, зачем пришли, вы мне дадите это.

Видя, как изменились выражения лиц гостей, Румпельштильцхен спешно добавил:

- Не считайте меня извращенцем, дослушайте и не спешите отказываться. Вы можете не просто поделиться воспоминаниями, вы можете отдать их мне. Насовсем.

- Не поняла, - ответила Дэш, зубы которой еще сжимались от гнева.

- Я могу сделать так, что вы забудете об этой боли, - пояснил карлик, и желтые глазки сверкнули. - Она вам не нужна, гложет вас изнутри, а я предлагаю избавиться от нее. Забыть, как страшный сон. Но я не могу это сделать без вашего согласия. Таковы правила.

Рейнбоу Дэш, гнев которой поутих после этих слов, задумалась. Так просто - взять и забыть? Обо всей боли, об унижениях и страхе...

Это было невероятно соблазнительно.

- Я знаю, каково тебе, - сочувственно произнес Румпель.

- Что ты можешь знать обо мне? - огрызнулась Дэш.

- Думаешь, ты первая пони, что забрела сюда? - вопросом ответил карлик и вдруг, повинуясь его жесту, с полки слетела прямо в крючковатую руку небольшая бутылка с темно-фиолетовыми кристалликами. - Вот. Зашла как-то сюда красавица-поняша, что мудро решила выплакать свое горе и оставить его здесь. Всеми брошенная, одинокая пони, пожертвовавшая самым ценным ради любви... Какое клише, право! У малышки ничего не осталось, кроме слез...

В голосе Румпельштильцхена слышалась скорбь, вот только не вязались с ней мелькающие веселые искорки.

«Бэнши Свинг», - мельком прочитала Рейнбоу на пожелтевшей от времени этикетке. Дата была странной и ничего не говорила.

Перед ее взором встала банка, полная таких же, только разноцветных кристалликов, и каждый - воспоминание о боли, страхе, жестокости и отчаянии... Большая банка.

- Не соглашайся, - сказала Гайка, все еще сидящая на спине пегаски.

- Но почему? - обернулась к ней Дэш. - Я начну жизнь сначала, я больше не буду помнить о том, как этот изверг терзал мое тело и выворачивал наизнанку душу... Разве оно не стоит того?

Мышка и Румпель ответили хором:

- Не стоит.

- Стоит.

- Ты что, не видишь? - спросила Гайка, - Это же испытание.

- Да плевать, - фыркнула Дэш. - У меня нет ни причин, ни резона играть по здешним правилам.

- А еще я знаю, что у тебя с крыльями, - как будто невзначай заметил карлик, - но цена информации та же.

- Воспоминания? - уточнила Дэш. - Да заби...

- Нет, Рейнбоу! - Гайка немного повысила голос и даже пришпорила пегаску. Впрочем, сквозь толстую куртку та едва заметила. - Как ты дойдешь до конца, если забудешь обо всем?

- А может, я не хочу никуда идти. Эти правила нам навязывают, так пусть подавятся своими квестами. Я ими наелась еще до того, как начала.

- Воистину, - вмешался Румпель. - Оптимальное решение. Не будет больше боли, кошмаров, воспоминаний и старых страхов. Только свобода. Никаких обязательств ни перед кем.

- ...и ты просто потеряешь себя, - закончила Гайка.

- Алекс меня всю жизнь учил, что я должна-де «найти себя», - огрызнулась Рейнбоу Дэш. - Буду кем хочу!

- Правильно, к черту Алекса! - поддержал хозяин пещеры, затем переключился на мышку. - А ты, Гаечка, вся такая гордая и такая правильная, тебе не хочется забыть лица тех, кто погиб? В поместье Фитцжеральдов, в мышинной общине? А во время твоей работы на «Синтезис», а?

Гайка вздрогнула. Ее прошлое моментально восстало из глубины памяти, куда мышка старательно пыталась загнать его.

- Я вижу все и вижу, как эта боль пожирает вас изнутри, - торжественно провозгласил Румпель, махнув склянкой в сторону исполинского экрана. - Зачем себя мучить? Зачем принимать правила игры, навязанные этим миром или людьми, которые всю жизнь ходят со своей болью у сердца, боясь рассказать о ней? Не проще ли забыть все? Отмотать все вспять. Начать... новую игру?

- Согласись, и ты станешь никем! - почти крикнула мышка.

- Собой, - мечтательно закатила глаза пони. - Просто собой. Наконец-то.

Гайка не уступила:

- Вся твоя жизнь, так или иначе, связана с Алексом. Выдерни его - и что останется?

Рейнбоу вздрогнула, но, упрямо поджав губы, не ответила, и карлик решил развить успех:

- Если оставишь себе все эти воспоминания, то так и будешь ощущать себя ничтожеством.

«Вот последнее он напрасно сказал», - подумала Гайка, которую посетило неведомое ей до того чувство злорадства.

Дэш резко вскинула взгляд на Румпеля:

- И многие согласились? - хрипловатым голосом поинтересовалась она.

Собеседник довольно заулыбался, очевидно, восприняв этот вопрос, как безоговорочную победу:

- Оглянись. Видишь все эти бутылочки? Это все чужие воспоминания и боль. Многие разумные существа привыкли бежать от своего прошлого куда глаза глядят, а тут такая возможность. Чуть ли не каждый третий оставил свою боль здесь.

- И многие ли после этого дошли до своей цели? - участливо поинтересовалась Гайка.

Глазки скрюченного человека забежали, словно мышка задела какую-то неожиданную и неприятную для него тему.

Взгляд пегаски сделался вкрадчивым, и Гайке осталось только удовлетворенно кивнуть:

- Что и требовалось доказать. Отдав тебе воспоминания, они забывали в том числе и то, зачем они ступили на Пути. И зачем они тут вообще.

- А что тебе или ей в этом Пути? - пошел в контратаку Румпель. - Кто сказал, что вас там будут ждать ворота в рай или что-то подобное? Может быть, конец Пути именно здесь? Забыть, отказаться от прошлой жизни и начать свою жизнь с чистого листа?

- Сначала хочешь рассказа о моей боли, затем называешь меня ничтожеством, - задумчиво проговорила пони, расправив крылья, и Гайка почувствовала в голосе подруги плохо сдерживаемую ярость. - Меня, Рейнбоу Дэш Потрясную. Единственную и неповторимую. Сдается мне, для одного вечера ты испытывал мое терпение слишком долго. На арене я за такое и убить могла.

- Дэши... - осторожно начала Гайка, вспомнив слова Брейна о насилии.

Но пегаска не обратила внимания:

- ...Но поскольку нам просто надо на другую сторону, я, пожалуй, даже не буду тебя бить, а спрошу, нет ли другой цены.

Улыбка скрюченного человека стала еще более мерзкой. А когда сероватый язык облизнул потрескавшиеся губы, Дэш почувствовала явственный рвотный позыв.

- Есть, - сказал Румпель, оценивающим взглядом окинув пони, - но она вам не понравится. Особенно тебе, Рейнбоу Дэш.

- Зря ты так, - усмехнулась Гайка, почувствовав, как под ней напряглась пегаска.

Та, перехватив такой знакомый взгляд, которым в «Пони-Плее» ее не раз награждали вождедеющие юного понячьего тела люди, почувствовала, как в груди разгорается пламя, застилая взор алой пеленой бешенства.

Пони рванулась вперед с невнятным рыком, и мышке пришлось спешно прыгнуть с ее спины - настолько стремительной была атака.

Обычно пони слабее людей. Так было задумано «Хасбро», и так было сделано. Не в последнюю очередь затем, чтобы не могли дать отпор человеку.

Но вот только Рейнбоу Дэш Вендар была профессиональным гладиатором, с самого раннего детства жившая в режиме жестких тренировок.

Впрочем, ее теперешний противник даже с виду не блистал хорошей физической формой и не успел среагировать.

Очень скоро назвавшийся Румпельштильцхеном оказался на полу, сраженный мастерской серией ударов передними копытами, свернувших на сторону крючковатый нос, проредивших зубы и начисто выбивших сознание.

Рожка карлика, и до того неприглядная, окончательно превратилась черт знает во что, а

склянка с именем несчастной поняши упала на каменный пол и разлетелась сотнями осколков. Фиолетовые кристаллы при этом замерцали и исчезли, и Гайке подумалось, что воспоминания только что вернулись к той, кто неизвестно сколько времени неприкаянно бродила по Миру Дорог. Без цели, без надежды, в мучительном поиске чего-то потерянного.

Рейнбоу Дэш, оседлав Румпеля задними ногами, занесла передние копыта, и без того вымазанные красными брызгами, но вдруг услышала тревожный голос мышки:

– Дэш, не надо.

Радужная пони обернулась, и стало видно, что миловидную мордочку искажает оскал звериной ярости.

– Помнишь, что говорил Брейн? – спросила Гайка. – Грабеж, убийство, воровство и прочее... завернешь за поворот и исчезнешь.

– Этот... – тяжело дыша, проговорила Дэш, – пойметый в задницу лепреккон... назвал меня ничтожеством. И хотел, чтобы я рассказывала... что со мной делал... этот ублюдок! А под конец... Аргх!

– Но ведь он не добился своего, верно? – спешно спросила мышка, боясь, что Дэш слишком уж накрутит себя.

Рейнбоу, медленно опустив копыта, промолчала и отвела взгляд и встала с потерявшего сознания Румпеля.

– И зачем ему только это? – процедила она. – Зачем хранить чужую боль?

– Тот, кто никогда не жил своей жизнью, питается чувствами других в попытке ощутить себя живым, – ответила Гайка мрачно.

– Откуда бы тебе знать? – буркнула пони.

– Годы работы на концерн мистера М научили меня многому, – вздохнула мышка. – В том числе – вычислять чужую мотивацию. В том же «Пони-Плее» было полно таких... А этот, похоже, достиг совершенства в присвоении чужих чувств.

Их взгляды одновременно устремились к стеллажам, уставленным разноцветными бутылками, пузырьками и даже банками.

Рейнбоу подошла ближе и пристально уставилась на поблескивающие внутри склянок кристаллики. Маленькие, с бисер размером, они были неправильной формы, но все равно

почему-то навевали ассоциации со слезами.

- Чтоб тебя, – буркнула Дэш.

Гайка уже хотела что-то сказать, но пони-гладиатор вдруг крутанулась на передних ногах и изо всех сил лягнула крайнюю стойку стеллажей.

Такому удару могла бы позавидовать Эпплджек.

Деревянная конструкция качнулась и медленно, удивительно медленно начала заваливаться. Но не успели еще зазвеневшие склянки свалиться с полок, как на ее пути начался следующий стеллаж.

Лишь на секунду задержавший падение первого и тоже устремившийся вперед...

А в следующий миг начался полный бедлам.

Скрип и грохот падающих стеллажей, жалобный звон множества разбивающихся склянок и разлетающихся по полу кристалликов, испаряющихся на глазах.

Рейнбоу Дэш Вендар махнула Гайке копытом, и когда та, поняв без слов, запрыгнула обратно на спину пони, направилась к дальней двери. Напоследок она мимоходом пнула бессознательного карлика, растянувшегося на полу и вывалившего на пол длинный и мерзкий язык.

Гайка не расслышала в грохоте, что именно произнесла при этом Дэш, но вряд ли извинения.

Невзрачная дверь в дальнем углу пещеры оказалась не заперта и вела в плохо освещенный бетонный тоннель. Который, в свою очередь, вывел путешественниц на другую сторону гор спустя несколько томительных минут.

Глоток свежего воздуха и вид простирающейся в степи дороги вызвал у обеих улыбки. Желтое солнце налилось спелой медью и уже готовилось закатиться за горизонт, но из-за гор уже полыхало красное зарево восходящего гиганта.

- Какое облегчение, – сказала Рейнбоу Дэш, расправив крылья и вдохнув полной грудью. – Просто, разлягать, как гора с плеч. Как будто все эти полки у меня на шее стояли.

- Ты тоже это чувствуешь? – спросила Гайка, закрыв глаза и подставив лицо солнечным лучам.

- Мне кажется, мы прошли испытание. Правда, классное ощущение?

Рейнбоу, вынужденная мысленно признать правоту мышки, вслух сказала совершенно другое:

- Пофиг. Пошли, пока солнце не село. Надо еще место для ночлега подыскать.

- Ну, пошли, - сказала Гайка, улыбаясь, и никуда не двигаясь со спины Рейнбоу. - Чьи ноги-то?

Радужная пони, вопреки обыкновению, не съехидничала и не нахамила в ответ, а только хрипло хихикнула, начав спуск по точно таким же каменным ступеням, как и с другой стороны гор. Лестницы - не слишком удобная для пони штука, но за жизнь в мире людей Рейнбоу наловчилась. Расправив для равновесия крылья, она начала неспешно спускаться, внимательно глядя под ноги.

Когда они прошли половину пути, из оставшегося открытым тоннеля, донесся искаженный эхом и яростью вопль:

- Будь ты проклята! Будьте вы все прокляты! Я найду тебя! Найду и убью!!!

Дэш беззаботно фыркнула:

- Не ты первый, и не ты последний, кто мне это обещает.

С этими словами она ловко прыгнула с лестницы, вызвав испуганный писк Гайки. Но копытца лишь звонко выбили искры из пыльного шоссе, которое, как и с той стороны, просто выныривало из-под гор.

Их догнал новый крик, все еще различимый у подножия:

- Попомни мои слова, Рейнбоу Дэш! Ты убила всех, кого знала и любила! Тебе никогда не дойти до Белого Шпиля! А даже если и дойдешь, то его двери останутся закрытыми перед тобой! Закрытыми!

Рейнбоу Дэш, которую впервые за долгое время переполняла искренняя, окрыляющая радость, со смехом поскакала галопом.

В закат.

И даже не переживала по поводу этого всегда презираемого клише.

Ей было слишком хорошо, чтобы придавать этому значение...

Дэш даже рада была вернуться на дорогу из желтоватого камня, которой обрадовалась, как

старой знакомой.

* * *

...Запах боли и страданий. Очень сильный. Но застарелый. Как будто тухлая вода из гнилой бочки. И откуда бы такая аналогия?

Пол у стен усеян осколками. Несколько отлетевших кусочков неприятно колют лапы, но плевать.

Здесь прошла добыча. И они сами, и будущий Проводник.

Хозяин пещеры, в крови и соплях, ползает среди обломков стеллажей и перебирает узловатыми руками осколки, словно в поисках чего-то. Бормочет проклятия и утирается уже и без того изгаженным рукавом.

От него пахнет отчаянием, злобой и жаждой мести.

А еще – словно бы протухшими чувствами.

Белый волк не удерживается и чихает.

Мерзкое создание вздрагивает и оборачивается. Воспаленные желтые глазки выпучиваются в ужасе. К запаху пещеры, и без того мерзкому, и здешних чувств прибавляется вонь свежей мочи.

Страшный зверь с серыми глазами фыркает и брезгливо отходит.

Когда же волк уже приоткрывает лапой заднюю дверь пещеры, сзади раздается голос:

– Они не отступились от Пути и скорее всего не ушли далеко! Иди вдоль Дороги и найдешь их!

Волк останавливается лишь на секунду. Не оборачиваясь. После чего заходит в тоннель, которым еще недавно прошла добыча и никогда не ходил презренный уродец.

– Нагони их! – хлещет сзади истеричный голос. – Заставь страдать! Убей их!

Зверь не обращает внимания. Крепкие лапы уже несут его навстречу красному свету второго солнца...

<http://tl.rulate.ru/book/82091/2554362>